

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 6, Pp. 1176–1183, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94(47)

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1176-1183

Новые документы об участии калмыков в Персидском походе 1722 г.

Владимир Толтаевич Тепкеев¹, Нарма Арслангович Каманджаев²

- 1 Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-4140-8358. E-mail: [tvt75\[at\]mail.ru](mailto:tvt75[at]mail.ru)
- 2 Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 младший научный сотрудник
 0000-0002-2012-0312. E-mail: [narmakam\[at\]gmail.com](mailto:narmakam[at]gmail.com)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Тепкеев В. Т., Каманджаев Н. А., 2024

Аннотация. *Введение.* В последнее время в историографии наблюдается возрастающий интерес к письменному наследию русско-калмыцких отношений XVII–XVIII вв. Поэтому в настоящей статье впервые публикуется выдержки из текстов указов и грамот Петра I и калмыцкого хана Аюки в период подготовки и проведения Персидского похода 1722 г. *Целью работы* является введение в научный оборот новых письменных свидетельств русско-калмыцких отношений в петровский период. *Источниковой базой* для данной работы послужили материалы Российского государственного архива древних актов и Архива внешней политики Российской империи, где отложились уникальные документы, касающиеся переписки калмыцкого хана с русским императором. *Результаты.* Публикация подобных документов внесет серьезный вклад в изучение русско-калмыцких отношений XVII–XVIII вв. В документе упоминаются довольно интересные сведения о подготовке и участии калмыцкой конницы в Персидском походе 1722 г. *Выводы.* Содержание указов и грамот Петра I, а также писем хана Аюки свидетельствует о серьезной осведомленности российского правительства о ситуации на южных границах государства. В тексте грамоты видно, что правительство уделяло особое внимание подготовке воинских иррегулярных формирований, их обеспечению и выплате денежного жалованья за службу.

Ключевые слова: Петр I, хан Аюка, письменное наследие, калмыки, русско-калмыцкие отношения, донские казаки

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Встреча Петра I и хана Аюки в 1722 г.: новые источники по истории русско-калмыцких отношений» (№ 23-28-01190, <https://rscf.ru/project/23-28-01190/>).

Для цитирования: Тепкеев В. Т., Каманджаев Н. А. Новые документы об участии калмыков в Персидском походе 1722 г. // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 6. С. 1176–1183. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1176-1183

Kalmyks in the Persian Campaign of 1722: Introducing Some Newly Discovered Documents

Vladimir T. Tepkeev¹, Narma A. Kamandzhaev²

1 Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
 0000-0002-4140-8358. E-mail: tvt75[at]mail.ru

2 Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Junior Research Associate
 0000-0002-2012-0312. E-mail: narmakam[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2024

© Tepkeev V. T., Kamandzhaev N. A., 2024

Abstract. *Introduction.* Recent times witness an increased interest in the written heritage of the seventeenth- and eighteenth-century Russian-Kalmyk interactions. So, the paper introduces some collections from a variety of previously unpublished orders and edicts of Peter I and Khan Ayuka from the period of (including preceding arrangements) the 1722 Persian Campaign. *Goals.* The work seeks to present a number of newly discovered document narratives pertaining to Russian-Kalmyk relations in Peter the Great's era. *Materials.* The article focuses on collections of the Russian State Archive of Ancient Acts and Archive of Foreign Policy of the Russian Empire that contain unique correspondence materials between the Kalmyk ruler and the Russian emperor. *Results.* Publications of such documents shall essentially contribute to the study of the seventeenth- and eighteenth-century Russian-Kalmyk contacts. The text mentions most interesting details of how Kalmyk cavalry units would prepare and participate in the Persian Campaign of 1722. *Conclusions.* Essentials of Peter the Great's orders and edicts — as well as those of Khan Ayuka — attest to the Russian government was perfectly aware of the actual situation along its southern borders. The edict's text shows the government did pay particular attention to military training of irregular troops, and sought to secure the latter receive comprehensive support and stipulated combat pays.

Keywords: Peter I, Khan Ayuka, written heritage, Kalmyks, Russian-Kalmyk relations, Don Cossacks

Acknowledgments. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-28-01190 'The 1722 Meeting of Peter the Great and Khan Ayuka: Newly Discovered Sources on Russian-Kalmyk Relations'. Available at: <https://rscf.ru/project/23-28-01190>.

For citation: Tepkeev V. T., Kamandzhaev N. A. Kalmyks in the Persian Campaign of 1722: Introducing Some Newly Discovered Documents. *Oriental Studies*. 2024; 17(6): 1176–1183. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1176-1183

1. Введение

Русско-калмыцкие отношения в период проведения Персидского похода 1722 г. переживали наивысший политический взлет. Свидетельством тому служат исторические встречи российского императора Петра I и калмыцкого хана Аюки под Саратовом и Черным Яром, которые отражены во многих источниках как документального, так и личного характера. Фонды различных государственных архивов предоставляют массу документальных материалов о русско-калмыцких отношениях XVII–XVIII вв., что, несомненно, представляет для исследователя хорошую возможность реконструировать многие исторические события того времени. Но наибольший интерес для нас представляет дошедшее до нас богатое письменное наследие главных исторических персо-

нажей русско-калмыцких отношений того времени — российского императора Петра I и калмыцкого хана Аюки. Поэтому одна из главных задач современного исследователя, занимающегося петровской эпохой, — это введение в научный оборот письменных свидетельств, раскрывающих в первую очередь характер этих отношений, развивающихся в довольно сложных военно-политических условиях.

Данная работа является продолжением публикаций по истории русско-калмыцких отношений в период Персидского похода 1722 г. Богатое документальное наследие, отложившееся в российских архивах и библиотеках, довольно подробно раскрывает суть этих отношений. И в этой связи публикация подобных исторических источников в наши дни вполне актуальна и востребована,

причем наибольший приоритет в этом направлении имеют документы, связанные с перепиской первых лиц Российского государства и Калмыцкого ханства, в качестве которых можно выделить письменные послания (указы и грамоты) к Аюке и калмыцким тайшам, а также «листы» калмыцкого хана и многих других владельцев. Все эти материалы дают богатейшую историческую информацию. Особо следует отметить материалы фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Национального архива Республики Калмыкия (НА РК). Так, в фонде 119 («Калмыцкие дела») АВПРИ и фонде 9 («Кабинет Петра I») РГАДА отдельным блоком документов обнаружены указы российского императора Петра I к поручику лейб-гвардии Преображенского полка Нефеду Кудрявцеву, сопровождавшего калмыцкое войско к местам боевых действий. В частности это указы о выдаче калмыцкому войску денежного жалования, маршруте движения войска и т. д.

В историографии можно отметить целый ряд работ, где затрагивается тема русско-калмыцких отношений в период Персидского похода 1722 г. [Бакунин 1995: 35–37; Батмаев 1993: 194–195; Пальмов 1929: 95–96; Тепкеев 2018а: 312–320; Тепкеев 2018б; Цюрюмов 2007: 161–162]. Однако публикация новых документальных материалов, на наш взгляд, имеет большую научную перспективу в исследовании истории России XVIII в.

2. Материалы и методы

Источниковой базой настоящей статьи послужили материалы Российского государственного архива древних актов и Архива внешней политики Российской империи [РГАДА. Ф. 9; АВПРИ. Ф. 119]. В основном это указы и грамоты императора Петра I и письма канцлера Г. И. Головкина, ведавшего Коллегией иностранных дел, в чьем ведении находились и «Калмыцкие дела». Достоверность информации в изученных архивных документах проверялась посредством определения их происхождения, сверки и сличе-

ния с другими материалами, содержащими похожую информацию.

3. «... Быть к службе во всякой готовности, куда военной случай позовет»

Накануне Персидского похода российское командование особое внимание уделяло формированию не только регулярной, но и иррегулярной конницы, которую должны были составить украинские и донские казаки, а также калмыки [Курукин 2010: 51]. Поэтому с начала 1722 г. из российского правительства к хану Аюке неоднократно поступали грамоты и указы о подготовке 10-тысячного калмыцкого войска, чтобы в дальнейшем выступить к местам боевых действий. Так, из письма канцлера графа Гавриила Ивановича Головкина к Аюке от 29 марта 1722 г. видно, как накануне Персидского похода он его ставит в известность и обнадеживает государевым жалованьем: *А тем калмыком приказать к службе Его императорского величества готовитца, дабы по получении повторительного указа, когда им будет идти повелено, могли они без умедления в тот поход идти* [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1722 г. Д. 1. Л. 2–2об.].

В другом письме от 19 апреля граф Г. И. Головкин просит хана Аюку поспособствовать в укреплении материальной базы предстоящей военной кампании. В частности он просит от лица государя продать для русской армии калмыцкий скот, а именно 300 верблюдов. Выполнение этого поручения было возложено на капитана В. П. Беклемишева, который должен был лично прибыть для покупки скота в калмыцкие улусы [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1722 г. Д. 1. Л. 5]. В дальнейшем гужевой калмыцкий скот сыграл большую роль в обеспечении русской армии, поскольку в дальнейшем водные транспортные суда потерпели крушение в шторм на Каспийском море.

Обращает на себя внимание и тот факт, что изначально правительство и император рассчитывали на участие в Персидском походе именно 10-тысячного калмыцкого войска. Это видно из императорского указа, вышедшего 29 марта 1722 г. В нем к хану Аюке и калмыцким владельцам, в частности, повелевалось: *Указали мы, великий государь,*

наше императорское величество, калмыком твоего подданого нашего владения десяти тысячам человеком сей наступающей весны быть к службе нашей во всякой готовности, военной случай позовет [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1722 г. Д. 1. Л. 7–8].

По информации шотландского врача на русской службе Джона Белла, одним из главных вопросов при личной встрече Петра I и хана Аюки под Саратовом в июне 1722 г. являлось участие калмыцкой конницы в Персидском походе. В том же источнике указано, что на запрос Петра I о посылке в поход 10 тысяч калмыцких конников Аюка уклонился от прямого ответа, заметив, что хватит и половины запрашиваемого количества калмыцкого войска. В дальнейшем по распоряжению калмыцкого хана в сторону Терок двинулось 5 тыс. конников с целью дальнейшего соединения с российской армией [Bell 1763: 333; Белль 1896: 231].

Н. Н. Пальмов предположил, что 5-тысячная калмыцкая конница обладала достаточно высокими боевыми качествами, чего было достаточно для этого похода [Пальмов 1929: 95]. Кроме того, в качестве причин отказа Аюки отправить более многочисленный контингент калмыков можно рассматривать, вероятно, имевший место падеж конского состава в улусах в зимний период, а также то, что хан Аюка придавал большое значение безопасности улусов, поскольку сохранялась угроза нападения с восточного направления казахов и каракалпаков [Тепкев 2018б: 17]. В последующие годы эта угроза, действительно, стала одной из реальных событий, связанных с казахско-джунгарскими войнами.

Среди документов имеются и грамоты императора к хану Аюке, призывавшие помириться с донскими казаками, конфликт с которыми у калмыков начал разгораться в предыдущие годы. Атаманы жаловались в правительство на неоднократные случаи участия отдельных «воровских» калмыков в набегах на казачьи городки и грабеж казаков. Поскольку Петр I рассчитывал на совместное их участие в предстоящем Персидском походе, он призывал хана Аюку всячески пресекать среди своих подвластных калмыков подобные действия. Со своей стороны,

как отмечает в своей грамоте Петр I, правительство строго запретило донским казакам на какие-либо ответные действия в отношении калмыцких улусов [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1722 г. Д. 1. Л. 17–19об.].

После смещения с должности саратовского коменданта Дмитрия Бахметева, обвиненного в коррупции, управляющим «калмыцкими делами» по распоряжению Коллегии иностранных дел, как это было отмечено в грамотах от 20 июля и 26 августа 1722 г., и приставом при хане Аюке был назначен князь Никифор Иванович Львов, а в его введение переходила и воинская казачья команда из 600 человек. В государственной грамоте от 16 июня 1722 г. отмечалось: *И повелели мы, великий государь, ему, подполковнику нашему, при тебе, подданном нашем, быть всегда неотлучно. И о делах и о верных твоих службах нам подлинно и правдиво доносить. И тебе, нашего Императорского величества подданному, Аюкаю хану, ему, подполковнику нашему, Никифору Львову, во всем верить. И что он, когда по указу нашему будет тебе, подданному нашему, объявлять, по тому исполнять* [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1722 г. Д. 1. Л. 15–15об.].

Особый интерес представляет инструкция из 14-ти пунктов, выданная по указу российского императора из Коллегии иностранных дел подполковнику Н. И. Львову 16 июня 1722 г. Подполковник обязан был не только охранять с казаками хана Аюку, но и тайно наблюдать за его действиями, особенно за контактами калмыцких владельцев с кубанскими ногайцами, в частности с султаном Бахта-Гиреем [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1722 г. Д. 9. Л. 31–35об.].

Однако в дальнейшем хан Аюка считал, что подполковнику в зимнее время будет весьма тяжело находиться в калмыцких улусах и предложил правительству его временно направить в Саратов до особых распоряжений [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1722 г. Д. 2. Л. 47]. Стоит отметить, что Н. И. Львов пробыл на этой должности недолго, так как в этом же году по настоянию астраханского губернатора А. П. Волинского он был заменен В. П. Беклемишевым, ранее выполнявшим вполне успешно подобные поручения.

Из письма хана Аюки, датированного 20 сентября 1722 г., известен и размер еже-

годного жалованья, выдаваемого калмыцкой стороне со стороны государя и правительства. В начале осени 1722 г. в калмыцкие улусы прибыл подполковник Н. И. Львов с государевым жалованьем. Ниже приводим перечень подарков, перечисленных в ханском ответном письме: *1 000 червонных, 443 4/3 сукна, 20 пар соболей, 35 черных лисиц, 10 мехов лисьих, 50 мехов белых хребтовых да 50 черевых, 2 пуда чаю* [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1722 г. Д. 2. Л. 47].

4. «... И будучи в пути, смотри за ними, чтоб они шли смирно»

По указу Петра I от 14 июня 1722 г. поручик лейб-гвардии Преображенского полка Нефедя Никитич Кудрявцев был прикомандирован к входившему в состав воинской части бригадира Я. С. Шмордина калмыцкому войску. Из содержания указа становится известно, что инициатива назначения особого офицера при калмыцком войске все-таки шла от хана Аюки: *Понеже Аюка хан сам нас просил, чтоб при войске ево, которое велено ему отправить к Астрахани, был наш Афицер, того для поезжай ты к нему назад, и, приняв у него войска ево, 7 000 человек з добрым командиром, и поди с ними к Астрахани. И будучи в пути, смотри за ними, чтоб они шли смирно* [РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. 1722 г. Д. 15. Л. 87–87об.].

Получив приказ калмыцкого хана, по направлению к Северному Дагестану через Волгу в начале августа 1722 г. выдвинулось войско под началом Бату и Ямана [Пальмов 1929: 96]. В фонде «Кабинет Петра I» встречаются несколько указов российского императора к поручику Н. Н. Кудрявцеву касательно маршрута переброски к местам боевых действий калмыцких конников. В одном из них приводятся довольно четкие инструкции по дислоцированию калмыцкого соединения в Северном Дагестане: *Когда с калмыками приблизишься к Курдюкову казачью городку, тогда поди с ними к Андреевой деревне, которая ныне от наших разорена. И для лутчей безопасности от их набегов поставь калмыков против оной деревни на дороге, которая лежит от Курдюкова городка к Таркам, чтоб оную дорогу от того места на обе стороны, как к Курдю-*

кову, так и к Таркам, безопасну содержали для наших проезжих. Также и искали над остальными андреевцами, которые ушли [от] поиску сколько возможно [РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. 1722 г. Д. 15. Л. 105об.].

По пути движения калмыцкого войска на поручика Н. Н. Кудрявцева возлагалась обязанность и его обеспечения. Например, именно он должен был забрать у саратовских «кабацких бурмистров» 200 ведер вина и 15 пудов табака, предназначенного для хана Аюки и калмыцкого войска. На этот счет даже вышел отдельный указ императора от 14 июня 1722 г. [РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. 1722 г. Д. 15. Л. 87].

Среди прочих документов особого внимания заслуживает и указ императора от 30 августа 1722 г. к господину поручику Н. Н. Кудрявцеву о выдаче калмыцкому войску денежного жалованья. Из его содержания известно и о размере выдаваемого денежного жалованья калмыцким владельцам и воинам: *Писали мы в Астрахань, к обер-итер-крикскомиссару Панину, чтоб он на дачю калмыкам отослал денег морем в Терки десять тысяч рублей с нарочным комиссаром. И когда он, комиссар, на Терек придет, тогда велено ему писать к тебе, куды их лутче с Терек к вам привести. И как те деньги к вам привезут, тогда из оных роздайте калмыкам: каждому по рублю, да владельцам, первому Яману пятьдесят рублей, а прочим, которые по нем первые двум или трем, по рассмотрению своему. И притом их обнадеживать, что достальные деньги им будут выданы впредь* [РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. 1722 г. Д. 15. Л. 111].

В работе В. М. Бакунина, который был не только очевидцем, но и непосредственным участником Персидского похода, поскольку был приставлен к калмыцкому войску в качестве переводчика, сохранилось довольно интересное описание процедуры выдачи того самого денежного жалованья за военную службу, в частности, на территории Северного Дагестана: *Рота драгунская расставлена была в одну линию, а в середине оной оставлено было небольшое порожнее место, наподобие ворот, чрез которые то калмыцкое войско по одному человеку пропускаемо и давано было при том опре-*

деленное жалованье каждому по одному рублевику, а дабы калмыки не могли, объехав расположение помянутой драгунской роты [и], вдругорядь у означенных ворот для получения жалованья явиться, для того по обоим крылам той роты постановлены были казацкие команды [Бакунин 1995: 37].

Благодаря такой процедуре удалось выяснить и точную численность калмыцкого войска, которая была меньше заявленных 4 тыс. человек и насчитывала 3 727 человек, не считая двух убитых в бою [Бакунин 1995: 37].

Несмотря на это, в целом российское командование и император были довольны военными действиями 4-тысячного калмыцкого войска в Дагестане. Об этом свидетельствует и указ императора Петра I к калмыцкому хану Аюке от 27 октября 1722 г., подписанный в Астрахани тайным советником П. А. Толстым. В ответ на письменное ханское послание, доставленное Олдоксоном, в указе отмечалось: *И что ты во оном доносил об отправлении и посылкою на нашу императорского величества службу внука твоего, Бату, с калмыки, и мы, великий государь, наше императорское величество, тою присылкою и службою внука твоего с калмыки, которую они показали в бытность свою в нашем походе, довольны и принимаем оную милостиво* [АВПРИ. Ф. 19. Оп. 1. 1722 г. Д. 1. Л. 23].

Однако не обошлось и без инцидента, когда в ходе боевых действий к Петру I с коллективной жалобой обратились лояльные к России отдельные кумыкские владельцы, пострадавшие из-за карательных действий в северной части Дагестана донских казаков и калмыков. В частности, согласно жалобе аксаевского Султан-Махмуда в Коллегию иностранных дел, стало известно, что ханский внук Бату, командовавший калмыцким войском, захватил не только некоторое количество скота, но и увел с собой 1 000 кибиток кундровских ногайцев [Бакунин 1995: 37; Русско-дагестанские 1988: 448].

По этому поводу в архиве сохранилась грамота российского императора Петра I к калмыцкому хану Аюке от 10 ноября 1722 г., где указывалось вернуть указанных ногайцев на прежнее место кочевания: *Ведомо нам учинилось, что при калмыках владения*

твоего много обретается разных народов татар и всегда оные приумножаются. Також и внук твой, Бату, в бытность ныне в походе взял у Салтан Маамута Аксайского татар же несколько кибиток, к которому послан указ наш, чтоб он тех татар оставил при Терке... И впредь смотреть тебе, дабы во владении твоём из татарских народов как возможно умялось, а не приумножалось, о чем всем тебе, подданному нашему, ведать [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1722 г. Д. 1. Л. 31–31об.].

По всей видимости, Бату действовал не самовольно, а по указу своего деда, хана Аюки, поскольку указанные ногайцы, по мнению калмыцкой стороны, были давние калмыцкие подданные. Однако российское правительство весьма чувствительно относилось к тому, что под властью калмыцкого хана продолжало находиться некоторое количество ногайцев, и стремилось, как это видно из императорской грамоты, всячески вывести их из-под его контроля. Стоит отметить, что кундровских ногайцев калмыкам под давлением правительства все-таки пришлось отпустить обратно, и через несколько лет они были насильно захвачены и уведены на Кубань крымско-ногайскими войсками [Бакунин 1995: 37, 40].

5. «... Служите и впредь его величеству с своими детьми и улусными людьми верно и непоколебимо»

По возвращении русской армии из Персидского похода император в ноябре 1722 г. Петр I со своей свитой у Черного Яра вновь встретился с ханом Аюкой и его семейством. Наделив его подарками, Петр I и в дальнейшем рассчитывал на поддержку калмыцкой стороны в продвижении российских интересов на южном направлении. Поэтому здесь большую роль играло и дальнейшее материальное поощрение представителей калмыцкой знати.

Особый интерес представляет указ российского императора Петра I от 4 марта 1723 г. о выделении жалованья калмыцкому хану Аюке за его верную службу в «Низовом походе» [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 1. Л. 3–4об.]. Из его содержания видно, что император пожаловал калмыцкому хану

в качестве жалованья пушнину («мягкую рухлядь») стоимостью в 1 тыс. рублей. Примечательно, что императрица Екатерина Алексеевна также со своей стороны пожаловала ханше Дарме-Бале пушнину на такую же стоимость, подчеркивая ей свое особое монаршее расположение. Без внимания не остался и ханский сын Церен-Дондук, которому было выделено той же пушнины на 200 рублей [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 1. Л. 3об.]. Это жалованье выделялось сверх положенного ежегодного жалованья, выдаваемое калмыцким владельцам.

По решению Коллегии иностранных дел жалованье отправлялось с ранее присланным от хана Аюки посланником Денджином. В государственной грамоте, подписанной канцлером графом Г. И. Головкиным, в частности, отмечалось: *А в прошлом 1722-м году в Низовом нашем походе нашему императорскому величеству ты, подданной наш, Аюкай хан, с улусными своими людьми показал свою верную службу. И за то мы, великий государь, наше императорское величество, тебя, подданного нашего, Аюкая хана, жалуем [и] милостиво похваляем. Да за ту ж службу мы, великий государь, наше императорское величество, тебя, подданного нашего, Аюкая хана, пожаловали [и] повелели послать к тебе нашего императорского величества жалованья — мягкой рухляди. И жене твои, Дарма-Бале, особливо, да сыну, Черен Дундуку, особливо, по приложенной при сем описи с присланными твоими посланцы, Денджином с товарищи. И тебе б, подданному нашему, Аюкаю, хану калмыцкому, видя к себе сию нашу императорского величества милость, и впредь нашему императорскому величеству со все-*

ми своими улусными людьми служить во всякой верности непоколебимо. А служба твоя у нашего императорского величества забвенна и милость, и жалованье, никогда отъемлема не будет [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 1. Л. 4-4об.].

6. Заключение

Тема участия калмыков в Персидском походе 1722 г. требует привлечения широкого круга источников, которые как дополняют, так и противоречат друг другу. Изучение синхронных источников личного происхождения по этой теме, к сожалению, не только не может полностью объяснить произошедшее, но и зачастую создает еще большие сложности в правильной исторической реконструкции событий 1722 г. Обширность источниковой базы по петровскому периоду предоставляет уникальные возможности более тщательного исследования обстоятельств подготовки и проведения Персидского похода. Прежде всего, это касается архивных документов, при использовании которых можно существенно обогатить фактологию этого события и тем самым окончательно исключить имеющиеся в различных источниках расхождения касательно участия калмыков в Персидской кампании 1722 г. Приведенное содержание указов и грамот Петра I, а также писем хана Аюки свидетельствует о высокой степени осведомленности российского правительства касательно ситуации на южных границах государства. Из текста грамот можно заключить, что царские власти уделяли особое внимание подготовке воинских иррегулярных формирований, их обеспечению и выплате денежного жалованья за службу.

Источники

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Литература

Бакунин 1995 — Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.

Sources

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.
Russian State Archive of Ancient Acts.

References

Bakunin V. M. Description of the Kalmyk Peoples, in Particular, Torgout People, and Deeds of Their Khans and Landlords. Second ed. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 153 p. (In Russ.)

- Батмаев 1993 — *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт: в 2 кн. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 382 с.
- Белль 1896 — *Белль Дж.* Извлечение из описания путешествия (1716–1722 гг.) // Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. Вып. 1. Астрахань: Петровское Общество, 1896. С. 219–236.
- Курукин 2010 — *Курукин И. В.* Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. 381 с.
- Пальмов 1929 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 3–4: Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам. Астрахань: Калмыцкий обл. испол. ком., 1929. 391 с.
- Русско-дагестанские 1988 — Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: сб. докум. / отв. ред. В. Г. Гаджиев. М.: Наука, 1988. 355 с.
- Тепкеев 2018а — *Тепкеев В. Т.* Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.
- Тепкеев 2018б — *Тепкеев В. Т.* Участие калмыков в Дербентском походе 1722 г. // *Oriental Studies*. 2018. № 3. С. 15–22. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-37-3-15-22
- Цюрюмов 2007 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: Джангар, 2007. 464 с.
- Bell 1763 — *Bell, John.* Travels from St. Petersburg, in Russia, to diverse parts of Asia. Vol. 2. Glasgow: Printed for the author by R. and A. Foulis, 1763. 442 p. (In Eng.)
- Batmaev M. M. Kalmyks in the Seventeenth and Eighteenth Centuries: Events, Personalities, Everyday Life. In 2 vols. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 382 p. (In Russ.)
- Bell J. Some collections from his Travels (1716–1722). In: The Astrakhan Collection [by Peter the Great Society]. Vol. 1. Astrakhan: Peter the Great Society, 1896. Pp. 219–236. (In Russ.)
- Kurukin I. V. Persian Campaign of Peter the Great: Lowland Corps in the Caspian, 1722–1735. Moscow: Kvadriga, Ministry of Internal Affairs, 2010. 381 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. The Volga Kalmyks: Historical Essays. Pts. 3–4: Government’s Restrictive Measures against Kalmyks. Astrakhan: Kalmyk Oblast Executive Committee, 1929. 391 p. (In Russ.)
- Gadzhiev V. G. (ed.) Russian-Dagestani Relations, Eighteenth to Early Nineteenth Centuries. Collected documents. Moscow: Nauka, 1988. 355 p. (In Russ.)
- Тепкеев В. Т. Khan Ayuka and His Era. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 366 p. (In Russ.)
- Тепкеев В. Т. Kalmyks in the Derbent Campaign of 1722. *Oriental Studies*. 2018. Vol. 11. No. 3. Pp. 15–22. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2018-37-3-15-22
- Tsyuryumov A. V. Kalmyk Khanate as Part of Russia: Political Relations Revisited. Elista: Dzhangar, 2007. 464 p. (In Russ.)
- Bell J. Travels from St. Petersburg, in Russia, to Diverse Parts of Asia. Vol. 2. Glasgow: R. & A. Foulis, 1763. 442 p. (In Eng.)

